

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**АРЕАЛЬНОЕ И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ
В СТРУКТУРЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Москва – 2007

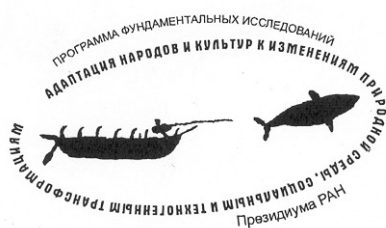
Ответственный редактор

академик *Вяч. Вс. Иванов*

Ответственный секретарь и составитель

кандидат филологических наук *П. М. Аркадьев*

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. – М.: «Пробел», 2007. – 130 с.

Сборник издан к круглому столу «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков», организованному Институтом славяноведения РАН в сентябре 2007 г., и включает статьи отечественных и зарубежных ученых – славистов и типологов, посвященные различным аспектам грамматики, лексики и фонологии славянских языков *sub specie* компаративистики, ареальной лингвистики, контактологии и типологии. Помимо собственно славянского материала, в статьях анализируются данные балтийских, германских, романских, иранских, албанского, а также ряда неиндоевропейских языков.

Сборник предназначен для лингвистов – славистов и типологов, интересующихся структурой славянских языков в широком межъязыковом и теоретическом контексте.

ISBN

© Авторы

© Институт славяноведения РАН

**ДВА АРЕАЛА СВЕРХСЛОЖНЫХ ФОРМ В ЕВРАЗИИ:
СЛАВЯНСКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ
МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ**

Д. В. Сичинава (ВИНИТИ РАН)

Не так давно П.В. Петрухин и я выступили с совместной статьей [Петрухин, Сичинава 2006] о так называемом «русском плюсквамперфекте» вида *ходилъ былъ*, его форме и семантике в типологическом освещении. Статья уже вызвала некоторое оживление в литературе вопроса (см. [Шевелева 2007], где затрагивается в связи с плюсквамперфектом проблема «избыточного *есть*», и [Петрухин 2007] о формуле *жили-были*). Предлагаемая работа в значительной степени продолжает направление, заданное этой статьей. Однако если там речь шла, во-первых, преимущественно о семантике древнерусского плюсквамперфекта, во-вторых, о типологической стороне вопроса, то здесь я предпочту сосредоточиться, во-первых, на структурных параллелях славянской (не только древнерусской) конструкции вида «причастие смыслового глагола + причастие вспомогательного глагола + вспомогательный глагол в настоящем времени» в Евразии, а во-вторых, на ареальных характеристиках распространения таких форм.

Формы различных языков мира, структурно аналогичные древнерусской *ходилъ есмь былъ* (или, без вспомогательного глагола, *ходилъ былъ*), мы в нашей статье 2006 г. условились называть сверхсложными – как устоявшийся перевод французского термина *passé surcomposé*. До 1970–1980-х годов работы о таких формах были посвящены западноевропейским языкам и не включали в себя каких-либо территориальных, генетических или типологических обобщений. Речь шла прежде всего о французских сверхсложных формах вида *il a eu oublié* ‘он забыл’, которые в

одном из своих значений закрепились в нормативной грамматике, хотя имеют широкий спектр нелитературных употреблений во французских и франко-провансальских говорах, – а также о долго не замечавшихся немецкой грамматической традицией аналогичных формах Perfekt II вида *er hat vergessen gehabt*. В 1990-е годы появились обобщающие работы по романским языкам [Holtus 1995], а также первые работы, где привлечены ареальные и типологические параллели, в том числе за пределами Европы. Здесь надо прежде всего назвать работу [Litvinov, Radčenko 1998], посвященную немецкому языку, но с привлечением некоторого количества внешних параллелей; в настоящее время над западноевропейскими сверхсложными формами работает А. Амман в Германии [Ammann 2005]; аналогичные французским сверхсложные эвиденциальные формы в персидском языке назвал *passé surcomposé* крупнейший французский иранист Ж. Лазар [Lazard 1996]. Что касается славянско-западноевропейских параллелей, то следует указать на недавнюю работу А. Левин-Штайнман [Lewin-Steinmann 2004], посвященную болгарскому пересказывательному наклонению; в ней проводится эксплицитное сравнение некоторых форм этого ряда с немецкими сверхсложными. Русские (и вообще славянские) формы вида *ходилъ былъ*, помимо такого специфического для этой группы случая, как болгарский пересказывательный ряд форм, до указанной нашей с П.В. Петрухиным работы как будто никто не сопоставлял ни со сверхсложными формами Европы, ни с аналогичными формами Азии (преимущественно эвиденциальными). Между тем они, находясь на стыке между этими двумя крупными ареалами, представляют значительный интерес для изучения характерных особенностей обоих, а также для истории возникновения, распространения и изменения системной функции соответствующих форм.

1. Европейский ареал сверхсложных форм

Сверхсложные формы отмечены в Европе (речь о Балканах и Поволжье пока не идет) в языках нескольких разных групп и имеют достаточно разнообразную семантику и социолингвистический статус (в одних языках это – одна из форм литературного языка, в других – конструкция чисто просторечная или диалектная и избегаемая в литературной речи, в третьих – литературный архаизм). В отвлечении от семантики, сверхсложная структура в чис-

том виде (или ей наследующая) представлена или была представлена в следующих языках и диалектах:

Романские: французский (в том числе диалекты разных регионов, включая франко-провансальские; отмечено в средневековых текстах), окситанский, итальянский (северные диалекты), вентский (= венецианский диалект итальянского), румынский (диалектная форма); **германские:** нидерландский (диалекты и средневековые тексты), немецкий (разговорная форма; преимущественно южные диалекты, в том числе имеющий самостоятельный статус швейцарско-немецкий диалект), идиш; **баскский** (изолят). Наконец, сверхсложными формами располагает большое количество **славянских** языков: словенский, сербохорватский, словацкий, болгарский, украинский, белорусский, русский (форма с *было*); ранее эти формы были представлены также в польском и чешском ([Молошная 1996], соответствующие статьи в [Славянские языки 2005]). В отличие от аналогичных форм неславянских языков Европы (статус которых описывается по-разному у разных авторов), эти формы в славянских грамматиках всегда квалифицируются как плюсквамперфект (или «давнопрошедшее время», в соответствии со старой, идущей от классической филологии традицией отождествлять эти термины). Единственным исключением является русская конструкция вида *пошел было*, плюсквамперфектом или «давнопрошедшим» синхронно не именуемая (но ее связь с древнерусским плюсквамперфектом историками языка констатируется).

Из предложенного перечня видно, что языки с такого рода формами образуют ареал без явных разрывов, пересекающий Европу с запада на восток (или, если угодно, с востока на запад: к этому вопросу мы еще вернемся). Единственным «островом сверхсложности» в Европе вне этого ареала, может быть, парадоксальным образом является единственный неиндоевропейский язык из названных – баскский. В [Naase 1994: 282] утверждается, что сверхсложные формы развились в баскском под романским влиянием. Однако в ближайших романских соседях баскского языка, – испанском языке и гасконском диалекте французского (весьма своеобразном и претендующем на статус особого языка), – как будто бы нет ничего подобного. С другой стороны, лакуной на карте сверхсложных форм предстает другой неиндоевропейский язык – венгерский, где единственный плюсквамперфект об-

разуется аналогично плюсквамперфекту в волжских и пермских языках; там к спрягаемой форме прошедшего времени добавляется неизменяемая связка в прошедшем времени *volt* ‘было’ (о волжском и пермском плюсквамперфекте сопоставительно с русским диалектным см. [Петрухин, Сичинава 2006: 208–209]). Таким образом, ареальный фактор здесь в известной степени связан с генетическим; в баскском могло произойти типологически сходное независимое развитие, в то время как венгерский развил тенденции, вполне сходные с финно-угорскими языками другой ветви.

Разумеется, исключительно генетически наблюдаемое явление нельзя объяснить: в романских и германских языках к северу и югу от очерченного таким образом ареала сверхсложных форм нет¹. Как уже отмечалось в литературе вопроса, это явление в Европе достаточно четко коррелирует с утратой аналитическим перфектом своего первоначального значения достигнутого состояния или важного для говорящего события, после чего эта форма начинает означать просто прошедшее время (иногда с видовым значением перфективности). Подобное изменение – одна из первых надежно установленных типологических тенденций эволюции видо-временных форм (на эту связь последовательно указано уже Е. Куриловичем в 1956 г.; [Маслов 1983: 47, 50; Маслов 1984/2004: 54–55, 297; Bybee et al. 1994: 81–87]); старая форма претерита (наподобие французского *passé simple*, немецкого *Präterit* или славянского аориста) уходит из языка. Ареал утраты старого претерита (и, тем самым семантической утраты старого

---

¹ Английские ненормативные (и отвергаемые рядом носителей) примеры типа *I have had done* тем не менее сравнительно частотны, как показывает поиск в Интернете, причём преимущественно в экспериенциальных контекстах (*I do suspect some people of the office has had seen my blog*); лингвистические работы, им посвящённые, нам пока не известны (интересны были бы и социолингвистические, в том числе контактные, параметры их бытования). Учитывая связь этого явления в Европе с утратой перфектом своего первоначального значения (см. ниже), возможно, мы имеем дело с одним из свидетельств разрушения английского перфектного значения в живой речи при его сохранении в литературном языке (активным сторонником точки зрения, согласно которой такой процесс имеет место, является Джим Миллер, ср. [Miller 2004]). С другой стороны, появление, особенно субнормативное, таких форм может предшествовать утрате оппозиции «перфект–претерит» на несколько веков (ср. сноску 3).

перфекта, при его материальном сохранении и господстве) в Европе как раз и повторяет выше очерченные границы. Из работ последнего времени надо отметить [Abraham 1999, 2004; Thieroff 2000] – в этих статьях указанный ареал противопоставлен так называемому «приморскому» или «прибрежному» (maritime), где перфект сохраняется. В работе [Сичинава (в печати), б] мы показываем, что этот «среднеевропейский» или «континентальный» ареал носит принципиально важный характер для европейских глагольных систем, коррелируя еще и с другим параметром – феноменом неунифицированного «выбора вспомогательного глагола» при различных семантических классах предикатов (типа нем. *ich habe gesehen / ich bin gekommen*).

Итак, в тех же языках, в которых происходит такое изменение, в аналитической форме бывшего перфекта начинает выступать вспомогательный глагол, что и приводит к рождению сверхсложных форм. Уже первые исследователи сверхсложных форм предполагали, что их появление связано с соображениями перестройки глагольной системы. Классическая работа Л. Фуле, посвященная сверхсложным формам и их развитию, заканчивается восклицанием: «претерит умер, да здравствует претерит! Но больше нет перфекта – и уже несколько веков» [Foulet 1925: 252].

Значит, сверхсложная форма – это «новый претерит»? Или, может быть, «новый перфект», как предполагал Э. Бенвенист («по функции *j'ai eu fait* представляет собой новый перфект к *j'ai fait*, ставшему аористом... Система таким образом восстанавливается, и обе пары оппозиций снова становятся симметричными» [Бенвенист 1959: 284])? Здесь мы, наконец, подходим к семантике обсуждаемой формы. В языках Западной Европы она достаточно разнообразна, причем нигде не дублируют полностью семантику существующих (или существовавших) в системе претерита, плюсквамперфекта или перфекта (хотя часто круг значений и пересекается – порой со всеми тремя формами). Специфической является ситуация в литературном французском: сверхсложная форма замещает устаревшую форму *passé antérieur*, где вспомогательный глагол стоял в простом прошедшем времени, наследуя своеобразный, хотя и представленный в других романских языках круг значений этой последней ('быстро' и т. п.; см. [Bertinetto 1987]). Если оставить литературный французский в стороне, то обращают на себя внимание значения сверхсложных

форм, связанные с неактуальными интервалами в прошлом, «прошедшим И НЕ настоящим», и производные от них. Сам этот феномен, независимо от проблемы сверхсложных форм, нащупан в ряде работ 1970-х годов («сверхпрошлое»), а затем разработан в [Dahl 1985] (“past temporal frames”), [Squartini 1999] и, прежде всего, [Plungian, Auwera 2006] (“discontinuous past”); мы используем русский термин «неактуальное прошедшее». Суть явления сводится к наличию в различных языках мира специальных форм (нередко связанных с плюсквамперфектом и имеющих также таксисное значение ‘предшествования в прошедшем’, но не обязательно), которые выражают специфически временную семантику, противопоставляющую план прошлого эксплицитно отличному от него плану настоящего². Конкретными воплощениями этого различия служат прекращенная ситуация (‘когда-то было так, а теперь иначе’), отмененный результат (‘дом построили было, но разрушили’), невыполненные условия в прошлом (‘пришел бы он раньше, всё было бы лучше’) и, далее, уже метафорически – любая или почти любая ирреальность. Существенно также, что эти формы не сигнализируют специально «давнопрошедшего» времени, то есть чистой временной дистанции без каких-либо прагматических последствий, связанных с неактуальностью события.

Оказывается, что для европейских сверхсложных форм семантика «прошедшего и не настоящего» характерна более, чем для «обычных» плюсквамперфектов с прошедшим временем вспомогательного глагола (которые в Западной Европе почти всегда тоже существуют в тех же языках). Прежде всего, у западноевропейской сверхсложной формы обычно нет и следа таксисного значения, которое со времен [Reichenbach 1947] (точка зрения принята в [Comrie 1985]) считается «основным» значением плюсквамперфекта. Нечасто встречается и такое специфическое

---

² Одной из основных техник, дающих в языках мира показатели такого рода, является так называемый «ретроспективный сдвиг» – дополнительный показатель, модифицирующий семантику готовой словоформы другого времени (термин введён в [Плунгян 1998]). Существенно, что обсуждаемые в настоящей работе сверхсложные формы допускают интерпретацию именно как содержащие показатель ретроспективного сдвига, а именно второго причастия вспомогательного глагола, присоединяющегося к форме перфекта (*ходилъ* — *ходилъ **быль***), этот показатель может выступать и как инфикс (*j'ai lu* — *j'ai **eu** lu*). Подробнее такой анализ (предложенный мной в 2002 г.) представлен в [Петрухин, Сичинава 2006: 204–206].

именно для плюсквамперфекта значение, как перенос семантики перфекта в план прошедшего (Perfect-in-the-Past, подробно обсуждаемый в [Salkie 1989] и [Squartini 1999], вроде ‘когда я пришел с работы, брат уже написал три письма’). С древнейших фиксаций (для старофранцузского это XII век³) мы видим прежде всего именно значения отмененного результата и прекращенной ситуации:

старофранцузский:

Se Lietart t’a eü pené, Il le t’a bien guerredoné [«Роман о Лисе», часть («ветвь») X, начало XII века, Stefanini 1970: 291]

‘Если Лиетарт и причинил тебе зло, он возместил тебе страдания’

французский (южные диалекты):

Il a eu fait plus chaud [Bleton 1982: 35]

‘Бывало (и) теплее’ [а сейчас холодно]

немецкий:

A: Als das Kind dann geboren war – euer Verhältnis?

B: War, also bis zu dem Zeitpunkt, sagen wir mal ganz gut in Anführungsstrichen, ich hab gedacht gehabt, das wär wirklich die wahre Liebe, aber dann mittlerweile, hat es ist dann rausgekommen, dass es ‘ne Urlaubsliebe war und dass es doch nicht so war. ([Hennig 2000: 93], из ток-шоу)

‘A: Когда родился ребенок – какой была ваша реакция?

B: Была до определенного момента, в кавычках, как говорится, я полагал, то была настоящая любовь, но между тем выяснилось, что это был всего-навсего курортный роман’

Ich hatte dich gestern überall gesucht [Vater 1983: 209]

‘Я тебя вчера везде искал’ [но в некоторый момент перестал искать, и сейчас это неактуально – ср. полностью аналогичный пример из швейцарско-немецкого диалекта]

баскский:

---

³ Этот факт свидетельствует о том, что появление сверхсложных форм в принципе может значительно опережать утрату простого прошедшего; в старофранцузском XII века простое прошедшее (passé simple) было полностью живым.

Irakurtu izan dut

‘Я читал это’ (некогда, где-то мне случилось читать; “non-resultative anterior” [Haase 1994: 282]; они «часто относят действие и его осуществление в истекший отрезок времени в прошлом (*passé revolu*), в отдаленное и неопределенное прошлое» [Lafitte 1979: 386])

Так это и в швейцарско-немецком диалекте (*Züritüütsch*); [Squartini 1999], где утратился простой претерит и «стандартный» немецкий плюсквамперфект; вместе с тем в таксисном значении сверхсложная форма прямо недопустима, а обязательна лишь в значении отмененного результата.

[Контекст: Две служащие магазина ищут покупку, забытую покупателем в магазине. Одна говорит, что не может найти ее. Другая возражает:]

Ich ha s gsee ghaa!

‘Я видела это [а теперь не могу найти]’

[Контекст: Сообщается о телефонном звонке, происшедшем, когда адресата не было дома.]

S Ursi hät dich gsuecht ghaa.

‘Урси искала тебя’ [тебя не было, так что «прагматические последствия звонка отсутствуют»]

Im 1990 bin ich en go sueche, aber es isch z spaat gsii. Er hät nämlich zwäi Jaar voorheer... uf Bern züglet (*ghaa).

‘В 1990 году я стал искать его, но было слишком поздно. Действительно, он за два года до того... уехал в Берн’.

В румынских диалектах форме *a fost plecat* ‘он уехал’ (при простом прошедшем *a / este plecat*) не присуще значение «повторной актуализации» действия в прошедшем [Marin 1985: 463]. Интересно, что эти диалекты морфологически «разнесли» ретроспективизированный перфект в абсолютном и таксисном употреблении: последний образуется при помощи несогласованного причастия (в отличие от первого, образующегося при помощи согласованного причастия) [Marin 1985: 466].

Особое место занимает здесь экспериенциальное значение (‘по крайней мере раз мне приходилось’, ‘у меня есть опыт’), казалось бы, свойственное прежде всего для перфекта, но тем не менее выражаемого во многих языках мира и плюсквамперфек-

том; по-видимому, это связано с тем, что опыт мыслится как «ностальгический», «неактуальный»:

южнофранцузские диалекты:

J'ai eu chanté avec mes enfants. [Carruthers 1993; цит. по Squartini 1998: 205]

‘Я [как-то] пела со своими детьми’

фриульский:

o aj bu:t vjodu':t il pape [Benincà 1989: 578, цит. по Squartini 1998: 322]

‘Я [однажды] видел Папу’

окситанский:

m'es agu arriba de ié vèire li prince Vitour e Louis, mai que d'uno fes.

[Foulet 1925: 245]

‘Мне случалось видеть принцев Виктора и Людовика, и не один раз’

Спецификой некоторых европейских сверхсложных форм является дополнительная эпистемизация, добавление «субъективности»; таков баскский язык [Lafitte 1979: 387] и некоторые диалекты итальянского ([Marcato 1986], [Holtus 1995: 100]), где сверхсложная форма (как очевидно, независимо) означает ‘неожиданность’. Сверхсложные формы конъюнктива употребляются в немецком языке в эвиденциальном, «пересказывательном» значении. Об этом подробнее см. в конце раздела 3.

Чисто модальное значение ‘неосуществившегося условия в прошлом’, характерное для плюсквамперфекта и «неактуального прошедшего», выражается сверхсложными формами в сардинском [Jones 1993] и средневековом нидерландском [Миронов и др. 2000: 241].

2. Славянские сверхсложные формы

На этом фоне славянские формы типа *ходилъ былъ*, согласно общим очеркам, не останавливающимся подробно на их семантике (таковы, в частности, статьи издания [Славянские языки 2005]), на первый взгляд выглядят гораздо менее интересно – как обычное обозначение «предшествования в прошедшем».

Вместе с тем подробный анализ славянского материала немедленно показывает, что это не так или, по крайней мере, не совсем так. Для западнославянских сверхсложных форм характерны, наряду с таксисными, и «абсолютные» (иногда квалифицируемые как «давнопрошедшие») употребления: «стилистический вариант» прошедшего времени в словацком [Horák 1964; Маслов 1984/2004: 233]; «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» в чешском [Широкова 1961: 230].

Анализ сербохорватской сверхсложной формы в работе П.-Л. Тома [Thomas 2000] показывает, что ее первичная функция – маркировать отмененный результат. Она не может встречаться в контексте, характерном для западноевропейской «последовательности времен». Так, пример из романа Ф. Мориака «Тереза Дескейру»

Il me demanda si j'avais lu *La Vie du Père de Foucauld* [Thomas 2000: 120]

‘Он спросил меня, читала ли я «Житие отца де Фуко»’

переводится на сербохорватский при помощи аналитического прошедшего времени:

Upita me da li sam čitala ‘Život oca Fukoa’.

Употребление в значении ‘результатирующее состояние в прошедшем’ факультативно, как показывают два перевода⁴ предложения из романа А. Камю «Посторонний»:

J'ai voulu fumer une cigarette à la fenêtre, mais l'air avait fraîchi (PQP) et j'ai eu un peu froid.

Hteo sam da popušim cigaretu na prozoru, ali vazduh je postao (P) svežiji i bilo mi je pomalo hladno.

Htjedoh popušiti cigaretu na prozoru, ali je bilo zahladnjeto (PQP) pa mi je bilo malo hladno.

‘Мне захотелось покурить у окна, но воздух [уже] сделался свежее, и мне стало чуть-чуть прохладно’.

Сверхсложная форма употребляется в результативных контекстах вроде ‘Когда мы приехали, они ушли’ для снятия дву-

⁴ Первый из них сделан белградским, второй – загребским переводчиком; однако это несущественно, т.к. П.-Л. Тома не удалось обнаружить различий между употреблениями плюсквамперфекта в сербском и хорватском вариантах языка.

смысленности; однако и в этом случае грамматикализуется употребление наречия *več* ‘уже’, которое позволяет «сэкономить» на этой форме⁵.

Обязательным же является употребление ее в значении ‘аннулированного результата’:

Ja sam ga bila oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?

‘Я мыла / стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?’

В рецензии П.В. Петрухина [Петрухин 2004] на работу Розанны Бенаккьо о словенских диалектах Фриулии [Benacchio 2002] отмечена известная неполнота описания семантики сверхсложных форм. В то время как Бенаккьо пишет, что словенский диалектный плюсквамперфект «не имеет специальных модальных значений и выполняет лишь темпоральную функцию, обозначая либо давнопрошедшее, либо непосредственное предшествование точке отсчета в прошлом», приводимые ей примеры в реальности практически точно соответствуют классическим западноевропейским, означающим отмененный результат:

Si bila wan raklä wžě te drügi vijăč

‘Я вам уже говорила (об этом) в прошлый раз’

– не «давнопрошедшее», а акцент на том, что говорящую не слушали;

Na jě muknula; an bil pusikal din fregul

‘она так и остолбенела: он только лишь чуть-чуть покосил’

– по предположению Петрухина, речь идет о незавершенности работы: «покосил было и перестал».

Как отмечено в той же рецензии, И.А. Бодуэн де Куртене в своих классических работах о резьянском диалекте всегда переводит эту форму при помощи конструкции с частицей *было*.

Действительно, в современном русском языке, как известно, для конструкции (утратившей согласование) типа *пошел было* характерно прежде всего значение отмененного результата (под-

---

⁵ В русском языке употребление такого «плюсквамперфектного наречного компонента» вроде *уже, раньше, до этого* также фактически грамматикализовано [Comrie 1985: 70]: ср. ?*Ваня сидел на том месте, где лежала шляпа Пети*; подобные неестественные предложения часто возникают при непрофессиональных переводах с английского.

робнее см. работы [Varentsen 1986; Шошитайшвили 1998; Князев 2004]). Отметим, тем не менее, тяготение лексически ограниченных употреблений *было* к модальной семантике: *хотел было, собирался было, начал было* (скорее ‘но раздумал / не вышло’, чем ‘мне помешали’).

Литературная украинская конструкция (традиционно рассматриваемая как «сохраняющийся» в языке плюсквамперфект) с согласуемым вспомогательным глаголом *ходив був*, как показывает работа [Chinkarouk 1998], функционально очень близка к русскому и передает значения ‘прекращенной ситуации’ и ‘отмененного результата’:

Я пам’ятаю, відкривався тоді ще географічний інститут. Я й туди хотів був вступити, та перешкодили якісь події. [Chinkarouk 1998: 47]

‘Я помню, тогда открыли еще географический институт. Я и туда хотел было поступать, но [мне] помешали какие-то обстоятельства’.

В работе М.Н. Толстой о плюсквамперфекте в архаичных западноукраинских говорах [Толстая 2000] опять же выделены «давнопрошедшее» и таксисное («преждепрошедшее») значение; среди употреблений, квалифицированных как «давнопрошедшее время без связи с другими действиями» [Толстая 2000: 137], можно выделить экспериенциальные (*Сесь упав був рас п’яний; Та ге «В мири животных» коли указують... а даколи раз указали были гады ‘показывали змей’, Давно ни ишли ни в декрет, ай родила дома была собі*)⁶ и значение прекращенной ситуации (*до церкви не ходили были* и т. п.).

Названные конструкции восходят к древнерусскому не книжному плюсквамперфекту типа *ходилъ (есмь/еси) былъ*⁷. Проведенное П.В. Петрухиным и мной в указанной выше работе [Петрухин, Сичинава 2006] привлечение древнерусского и со-

⁶ Даём в примерах упрощённую транслитерацию.

⁷ М.Н. Шевелёва [2007] отмечает, что связку в 1 и 2 л., вообще говоря, для древнерусского языка в составе обсуждаемой формы можно не рассматривать, так как она «в 1 и 2 лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица» (ср. [Хабургаев 1978]); таким образом, данная форма во всех лицах состоит просто из *был* + л-причастие.

временного диалектного материала показывает, что функции так называемого «русского плюсквамперфекта» достаточно четко соответствуют типологически известной семантике неактуального прошедшего. Обычным ее значением был именно аннулированный результат; особо яркий характер носит пример с глаголом ‘умереть’ – подразумевается последующее воскресение из мертвых, ср. следующий пример:

И влѣзучи естъ во врата градка того, на деснѣй руцѣ естъ пещера, и въ той пещерѣ естъ гробъ сватаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ былъ. (Хождение игумена Даниила)

‘И, если войти в ворота того городка (Вифании), то по правую руку там есть пещера, в которой находится гробница святого Лазаря; а в той келии Лазарь болел, там же и умер’.

Значение прекращенной ситуации, наличествующее уже в древних текстах, широко представлено в современных северных [Пожарицкая 1991, 1996] и северо-западных [Рыко 2002] говорах⁸:

Сколько-то тоже был он ведь сидел, а потом-то всю жизнь председателем работал [Пожарицкая 1996: 273].

Ай, рассказывали, старинные люди были гомонили, таперь-то нет ничова, а раньше все говорили [Рыко 2002: 183].

Среди наиболее ярких функций древнего и современного «русского плюсквамперфекта» – так называемый «сдвиг начальной точки» ([Сичинава (в печати), а]), сигнализирующий о начале повествования. Он отмечен как в берестяной грамоте № 724 (начинающейся Оставили мя были людье...), так и в северных говорах («большая дейктическая самостоятельность было, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]). Похоже, что в русских северных диалектах в значительной степени сохранилось древнее состояние, в то время как в литературном языке круг значений сверхсложной формы серьезно сузился. Вместе с тем не исключено также и контактное финно-угорское влияние на северные диалек-

⁸ В северо-западных говорах представлен ещё плюсквамперфект от нового перфекта с *-ши* (*был пришочча*), передающий, в частности, результативные значения, в то время как сверхсложная форма с *был...* -л имеет только значения неактуального прошедшего, как можно судить по примерам.

ты конструкций со вспомогательным показателем вроде удмуртского *вал* ‘было’, как с точки зрения формы (просодическая автономизация *было* как «частицы», утрата согласования), так и семантики. Кроме того, надо учитывать и роль исконных и тоже весьма древних т. н. «конструкций с избыточным *есть*», в которых глагол *быть* выступает в составе полипредикативной конструкции со специфическим значением ‘дело [ведь] обстоит/обстояло так, что...’ (вроде *Ребята есть курят* или *Тамочка [‘там’] есь речка была*). Такие конструкции тоже могли влиять на аналогичные сочетания с *было* в говорах, которые, таким образом, на русской почве могут восходить не только к плюсквамперфекту (об этой проблеме см. [Шевелева 2006: 216–217] и [Шевелева 2007]); в этой последней работе проанализирован значительный и важный материал как из средневековых памятников, так и из говоров).

Другое контактное влияние обнаруживается на самом юге славянской зоны – в болгарском языке. Болгарский язык входит в так называемый «эвиденциальный пояс Старого Света» (термин [DeLancey 1997]), где имеется четко грамматикализованный показатель информации, переданной не из первых рук (и тем самым не столь «ответственно» сообщаемой говорящим от своего лица). Обычно такое развитие получает перфект; и болгарский язык, где форма на *-л* и представляет собой форму «пересказывательного наклонения», не исключение. В этом языке сверхсложная форма типа *бил чел* – то есть формально дважды выражающая эвиденциальность – выражает особое «ироничное» недоверие к сказанному собеседником, так называемые формы «эмфатического» ряда (в болгарской традиции «формы за по-силно преизказване» [Фридман 1983: 118]); эти формы лишены специфически перфектного или плюсквамперфектного значения и «связаны... с серьезными сомнениями по поводу этой информации и возможностью ее оспорить» (см. также [Маслов 1956: 255]):

Клинтон бил убедил американците за мисията в Босна [Guentchéva 1996 : 53; вышеприведенная трактовка примера принадлежит З. Генчевой]

‘Клинтон [якобы] убедил американцев в [необходимости военной] миссии в Боснии’ («эмфатический» аорист).

Война няма. Аз не съм чувал да има война. – Няма било война!⁹ Вземи вестника и ще видиш... [Фридман 1983: 121] ‘Войны нет. Я не слышал, чтоб была война. – [Ну да, как же], нет войны! Возьми газету и увидишь!...’ («эмфатический» презенс)

– а кроме того, выражает эвиденциальность, перенесенную в план прошедшего (в этом случае обычно со связкой *e*).

Как видим, ситуация со сверхсложными формами в славянских языках связана не только с европейским, но и с азиатским ареалом, о котором речь впереди. Прежде чем переходить к нему, остановимся на роли славянских сверхсложных форм в европейском ареале с исторической точки зрения.

Известно, что существование имперфекта (и тем самым плюсквамперфекта с имперфектом вспомогательного глагола типа *ходилъ бяше*) в восточнославянской зоне (разумеется, не считая церковнославянского влияния) ставится многими авторами, прежде всего Г.А. Хабургаевым [Хабургаев 1991], под сомнение. Плюсквамперфектная форма с аористом вспомогательного глагола (типа *ходилъ быхъ*) засвидетельствована в сербском, верхнелужицком, среднечешском; но в большинстве славянских языков (в том числе даже в этих трех) она прежде всего развила значение условного наклонения (> рус. *пошел бы*), возможно, в некоторых языках под влиянием исконно оптативной формы *ходилъ бимь*, характерной для македонско-хорватского ареала и соответствующих старославянских памятников, но, вообще говоря, такое развитие плюсквамперфекта возможно и независимо (подробнее о проблеме см. [Сичинава 2004])¹⁰. На восточнославянской территории форма с *быль* являлась с древнейших времен единственной «плюсквамперфектной» формой в живой речи (отсюда ее на-

---

⁹ И. А. Мельчук [1998: 200] рассматривает этот пример как употребление «цитатива для выражения недостоверности» и даёт перевод ‘Говорят, что войны нет’ или ‘я сомневаюсь, что войны нет’. Согласно З. Генчевой, эта форма морфологически противопоставлена цитативу (*нямало война*); носитель болгарского (Е. Валчанова), с которой мы консультировались, подтверждает трактовку Генчевой.

¹⁰ Любопытно, что в словенских диалектах Истрии в условное наклонение превратился плюсквамперфект не с аористом, а имперфектом вспомогательного глагола [Venacchio 2002]; тем самым сверхсложная форма и здесь оказалась господствующей.

звание в славистике – «русский плюсквамперфект» в противоположность книжному). Известно, с другой стороны, что восточнославянская территория была одной из первых по времени в Европе второго тысячелетия, где синтетическое перфективное прошедшее (аорист) было утрачено в живой речи (по разным оценкам, от дописьменного периода до XIII–XIV вв.); таким образом, прошедшее время из перфекта и сверхсложный «плюсквамперфект»-неактуальное прошедшее чрезвычайно рано завоевали нераздельно господствующие позиции в глагольной системе. И лишь на несколько веков позже этот процесс происходит в языках западных и части южных славян (в сербохорватском плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола как книжная форма встречается и сейчас), а к XVI–XVII вв., видимо, относится и активное распространение сверхсложных форм в германских и романских языках (хотя первые романские сверхсложные формы фиксируются, напомним, еще с XII в.). Правда, редко где результат перестройки глагольной системы достигает такой же четкости, поскольку в романских языках сохраняется имперфект (и плюсквамперфект с ним во вспомогательном глаголе), а в германских – претерит у ряда базовых глаголов, включая вспомогательные (впрочем, во многих южнонемецких диалектах, включая швейцарский, претерит и плюсквамперфект вида *war gekommen* утрачены полностью; это же произошло и в испытывавшем сильное славянское влияние языке идиш). Допустимо предположить, таким образом, что восточнославянский/древнерусский ареал стал в Европе исходной точкой (по крайней мере хронологической) не только в распространении прекрасно известного изменения «‘перфект’ → ‘претерит’», но и в развитии сверхсложных форм, тем более что эти два процесса, судя по карте их распространения, демонстрируют взаимосвязь.

3. Азиатский ареал сверхсложных форм

Для языков упомянутого в предыдущем разделе «эвиденциального пояса Старого Света», охватывающего Кавказ, Балканы, Поволжье, большую часть территории распространения тюркских и иранских языков, чрезвычайно характерно наличие в системе форм, представляющих собой сочетание двух причастий эвиденциального перфекта – от смыслового и вспомогательного глагола. Второй вспомогательный глагол в настоящем времени, в отличие

от западноевропейских языков, обычно необязателен или даже (как в тюркских языках) вообще не употребителен. В этом смысле устройство перфекта и сверхсложной формы в славянском ареале приближается как раз к «азиатскому» типу (этим термином применительно к данной зоне мы будем пользоваться для краткости, не забывая о Балканах и Поволжье). Отметим, что данная картина не вполне соответствует изложенному, в частности, в [Bybee, Dahl 1989] представлению, согласно которому утрата связки иконически соответствует большей степени грамматикализации (в персидском перфекте, сохраняющем исходное значение при наличии претерита в системе, связка в настоящем времени может опускаться, в тюркских вовсе невозможна, в то время как во французском аналитическом прошедшем, полностью утратившем перфектную семантику, норма безусловно требует вспомогательного глагола).

Часто форма с двумя вспомогательными глаголами входит в парадигму эвиденциальных форм, параллельную базовой. Так это, например, в персидском языке (и некоторых других иранских идиомах, см. также [Lazard 2000: 222; Volut 2000: 174]), – как помним, именно для персидского эвиденциального плюсквамперфекта Ж. Лазар предложил использовать за пределами романистики термин *passé surcomposé*. Семантика персидской сверхсложной формы – сочетание характерных для плюсквамперфекта функций (в том числе связанных с зоной «неактуального прошедшего») и эвиденциальных значений:

Предпрошедшее + инферентив (вывод из ситуации):

az suxanoni modaraš mo fahmidem ki u kayho ba šahr kūčida buda-ast [Jahani 2000: 200]

‘Со слов его матери мы поняли, что он давно уже переехал в город’

Прекращенная ситуация + пересказывательное:

sâbeqan rânandegi karde bude vali al’ân nemitune rânandegi bokome [ibid.:200]

‘Раньше он, [дескать], водил машину, теперь он не может водить ее’.

Схожую с персидской систему описывает С.Г. Татевосов (проводя эту параллель) в багвалинском языке, относящемся к

нахско-дагестанской семье [Татевосов 2001: 294]; здесь также имеется ряд аналитических форм «перфектной серии», образующихся при помощи перфекта вспомогательного глагола ‘быть’, которые и выражают значение косвенной засвидетельствованности. Этот ряд включает и форму «заглазного плюсквамперфекта»:

ebeb han ebeb tuXumlaš Xindi sanilibo buk'abo ek'a [там же: 297]

‘Каждое селение образовалось из каждого тухума’.

Несомненную близость по рассматриваемому параметру с иранскими и дагестанскими языками проявляют некоторые тюркские языки – чувашский, башкирский и узбекский. В чувашском языке для передачи косвенной засвидетельствованности с перфективным причастием используется показатель *пулнă*, исторически представляющий собой перфектное причастие на *-нă* от вспомогательного глагола; таким образом, структурно такая форма аналогична сверхсложным формам, утратившим вспомогательный глагол в настоящем времени (например, славянским). «Глагол *пулнă* вместо *-чĕ* [исторически форма прошедшего времени от ‘быть’ – Д. С.] употребляется в тех случаях, когда рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает...

Ку хире сұлсерен тĕштырă акса тăнă пулнă, кăсал кок-сагыз акас тетпĕр

‘В прежние годы это поле засевалось обыкновенно зерновыми культурами, а в нынешнем году мы предполагаем засеять его кок-сагызом’.

В этом примере *акса тăнă пулнă* указывает на то, что говорящий раньше не интересовался этим участком, он только констатирует, что в прежние годы жители использовали его так, а теперь они и сам говорящий заинтересованы в его использовании иначе. Если бы в этом предложении стояла форма с *-чĕ*: *акса тăнăчĕ*, то это означало бы то, что говорящий и сам вместе с другими всегда участвовал в использовании этого участка» [Егоров 1957: 200]. В данном случае значение прекращенной ситуации сочетается с эвиденциальным.

В башкирском языке эвиденциальный плюсквамперфект (употребляющийся, в частности, при перфектной нарративной стратегии, при рассказе «о событиях давно минувших времен,

очевидцем которых говорящий не мог быть») образуется, как и в чувашском языке, при помощи перфекта вспомогательного глагола *бул-*: *алган булган* ‘он уже (оказывается) взял’¹¹, с двумя показателями перфекта:

Емештәр өйгә қайтып ингәндә, эңер төшөп, киске аш вақыты еткән булған. [Юлдашев (ред.) 1981: 276];
 ‘Когда Емеш и ее подруги пришли домой, уже наступил вечер, пора было ужинать’.

Такая же особенность отмечена для плюсквамперфекта, образованного от имеющего заглазные и инферентивные употребления *-ган*-перфекта, и в узбекском языке. Д.М. Насилов [1999: 367–368] отмечает, что «модальный показатель» *экан* (перфект от глагола «быть») «в контексте относительных времен входит в состав аналитической формы времени, которая противостоит такой же аналитической форме с *эди* [претериту вспомогательного глагола – Д. С.] по признаку наличия значения эвиденциальности:

у кел-ган эди ‘он пришел’ (плюсквамперфект)
у кел-ган экан ‘он, оказывается, пришел тогда’ (плюсквамперфект с пересказывательной семой)».

Специфической чертой большинства указанных систем является то, что плюсквамперфект, образованный при помощи претерита связки, никаких эвиденциальных значений не развивает, хотя и содержит в своем составе перфект; для этой цели специально выступает сверхсложная форма, семантика которой, как видно из примеров, состоит в перенесении эвиденциального перфекта в план прошедшего.

В отличие от европейской сверхсложной формы, азиатская эвиденциальная форма развивается не на фоне утраты оппозиции перфекта с претеритом; ее семантика регулярно складывается из семантики плюсквамперфекта и/или неактуального прошедшего, с одной стороны, и эвиденциального компонента, с другой. На первый взгляд, напрашивается трактовка, согласно которой она выстроена по аналогии в составе целого ряда эвиденциальных форм, а основная ее функция – распространять оппозицию «эвиденциальность vs. неэвиденциальность» на план предпрошедше-

---

¹¹ Эвиденциальная семантика у этой формы представлена также в татарском и кумыкском языках [Юлдашев 1965: 202–203].

го, что она возникла в порядке чистого «заполнения лакун» (ср. об этой теории возникновения новых грамматических форм и ее критике в [Dahl 2004] и [Hopper, Traugott 1993]).

И тем не менее есть основания считать, что сверхсложная форма такого типа не является изначально эвиденциальным аналогом плюсквамперфекта, а представляет собой такую же сверхсложную форму с изначально временным значением, как в европейских языках, которая прошла, под мощным влиянием перфекта, дополнительное развитие в сторону эвиденциальности.

Во-первых, что касается теории «заполнения лакун», то среди языков «эвиденциального пояса Старого Света» есть немало таких, в которых лакуна не заполняется – нет сверхсложной формы, но регулярный плюсквамперфект между тем не принимает никаких специально эвиденциальных значений: так обстоит дело в турецком (форма *-mişti*, по происхождению ретроспективированный перфект на *-miş*, «лишен инферентивных *miş*-оттенков» [Johanson 1994: 262], «никогда не служит для выражения эвиденциальных значений» [Csató 2000: 40]; это же верно, по-видимому, и для аналогичных форм типа *-мыш эди-* и в тех прочих тюркских языках, где они представлены, см. [Юлдашев 1965: 184–188]), в узбекском (форма *-иб эди*, от эвиденциального перфекта на *-иб*: [Кононов 1960: 222], [Джураева 1968: 85]), в казахском (аналогичная форма на *-n edī* [СКЯ 1962: 342–346]), в грузинском [Voeder 2000: 296–298, 313] и в западноармянском (плюсквамперфект, образованный при помощи причастия на *-er* [Donabédian 1996 : 97–100]; перфект на *-er < -eal* в западноармянском имеет эвиденциальные употребления).

Во-вторых, в некоторых языках данного региона, например, в иранских, включая и средневековый персидский, отмечен сверхсложный плюсквамперфект (например, в диалектах дари: [Иоаннесян 1999: 73]) с неэвиденциальными («преждепрошедший перфект» и «давнопрошедшее») значениями. Ср. аналогичную сверхсложную форму с результативной семантикой в хинди [Липеровский 1976]; в традиции описания хинди – «форма со сложным причастием»:

Varānde ke nīce muhalle kā caukīdār baithā huā thā – kālā kuttā.
‘Внизу веранды сидел страж квартала — черный пес’

Сверхсложная форма на *-ган полган* в хакасском, полностью этимологически тождественная разбиравшейся выше башкирской

форме, имеет плюсквамперфектное (не эвиденциальное) значение, так как характерные для прочих тюркских языков плюсквамперфекты со вспомогательным *эди* в хакасском отсутствуют [Юлдашев 1965: 203].

В-третьих, развитие эпистемически и модально окрашенных значений отмечено и у западноевропейских сверхсложных форм – в баскском, итальянских диалектах (см. примеры выше). Есть в этом ряду и эвиденциальные значения – в пересказывательных контекстах употребляется сверхсложная форма в немецком языке (*habe gelesen gehabt*, она выражает пересказ форм плюсквамперфекта в чужой речи). Пример плюсквамперфекта конъюнктива в пересказывательной функции:

Sie sagte mir, als er Herrn Meier angerufen habe, habe er, Meier, seinen Artikel gerade gelesen gehabt [Thieroff 1992: 249]

‘Она сказала мне, что когда господин Майер позвонил ей, он, Майер, уже прочел ее статью’

В недавней работе [Levin-Steinmann 2004: 100ff, 249ff] с такими немецкими употреблениями типологически сопоставляется болгарская сверхсложная форма, о которой идет речь выше. А. Левин-Штайнман полагает, исходя из типологических соответствий и генетически идентичных форм в других славянских языках, что исходным у *бил*-форм является именно временное значение.

4. Выводы

Славянские сверхсложные формы занимают позицию на «стыке» двух больших ареалов употребления сверхсложных форм – западноевропейского, для которого характерно формирование форм «неактуального прошедшего» в условиях утраты противопоставления «претерит vs. перфект», и азиатского, для которого характерна эвиденциализация сверхсложных форм и вторичное встраивание их в эвиденциальный ряд.

В сопоставлении с этими двумя ареалами особенности славянских сверхсложных форм таковы:

	Западноевропейский ареал	Славянские языки	Азиатский ареал
Форма: один вспомогательный глагол	–	+	+
Система: утрата оппозиции перфект vs. претерит	+	+	–
Система: утрата других плюсквамперфектных форм	–/(+)	+	–/(+)
Семантика: зона «неактуального прошедшего»	+	+	+
Семантика: эпистемизация / модальность / эвиденциальность	(+)	–	+

Славянские глагольные системы в интересующем нас аспекте отличает общая черта, сконцентрированная прежде всего в данной группе и противопоставляющая славянские большинству языков в обоих ареалах, – а именно, сокращение функций или полная утрата везде (кроме болгарского, примыкающего к азиатскому ареалу, и македонского, где сверхсложные формы не выражены), вслед за аористом и имперфектом, и соответствующих типов плюсквамперфекта (которые могут материально сохраниться, переходя в условное наклонение), в результате чего сверхсложная форма остается единственной «плюсквамперфектообразной» формой в системе. По этому признаку со славянскими языками сближаются некоторые германские – прежде всего идиш (ареально ближайший к славянским) и южнонемецкие диалекты; в азиатской же зоне, напротив, единственный известный нам язык, где других плюсквамперфектов, кроме двойного перфекта, нет, – это максимально удаленный от основной территории ареала хакасский.

Наконец, общим между ареалами является типологическое сходство – развитие значений, характерных для зоны «неактуального прошедшего», причем для ряда языков в европейском ареале и для азиатского особую роль играет модальная и эвиденциальная семантика. Славянские формы по семантике ближе к запад-

ноевропейским (более того, с них хронологически, по-видимому, начинается экспансия этого типа в Европе), однако с точки зрения морфологии (утрата или факультативность связки) примыкают к азиатскому ареалу, а в ряде случаев демонстрируют конкретные контактные влияния (русский язык – возможное финно-угорское, болгарский – несомненное тюркское), но с сохранением внутренних тенденций развития.

Литература

- Бенвенист Э. (1959). Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. *Общая лингвистика* / пер. с франц. М.: «Прогресс», 1974, 270–284.
- Джураева Д.М. (1968). Времена глагола в узбекском языке // *Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках*. Баку: ЭЛМ.
- Егоров В.Г. (1957). Глагол // *Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть I: Морфология*. Чебоксары: Чувашиздат.
- Иоаннесян Ю.А. (1999). *Гератский диалект языка дари современного Афганистана*. М.: «Восточная литература».
- Князев Ю.П. (2004). Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // *Сокровенные смыслы: слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. М.: «Языки славянской культуры», 296–304.
- Кононов А.Н. (1960). *Грамматика современного узбекского литературного языка*. М.–Л.: АН СССР.
- Липеровский В.П. (1976). Выражение значения результативного состояния в хинди // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*. М.: «Наука», 100–114.
- Маслов Ю.С. (1956). *Очерк болгарской грамматики*. М.: «Издательство литературы на иностранных языках».
- Маслов Ю.С. (1983). Результатив, перфект и глагольный вид // В.П. Небялков (ред.), *Типология результативных конструкций*. Л.: «Наука», 41–54.
- Маслов Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии*. Л.: ЛГУ; (2-е изд. в: Маслов Ю.С. *Избранные труды*. М.: «Языки славянской культуры», 2004, 21–302).
- Мельчук И.А. (1998). *Курс общей морфологии. Т. II*. М.: «Языки русской культуры».

- Миронов С.А., Зеленецкий А.Л., Парамонова Н.Г., Плоткин В.Я. (2000). *Историческая грамматика нидерландского языка. Кн. 1: Фонология, морфология*. М.: «Эдиториал УРСС».
- Молошная Т.Н. (1996). Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка*. М.: «Индрик», 564–573.
- Насилов Д.М. (1999). Значение эвиденциальности в узбекском языке // М.Е. Алексеев и др. (ред.) *Res linguistica: сборник статей к 60-летию проф. В.П. Нерознака*. М.: «Academia», 358–369.
- Петрухин П.В. (2004). Рец. на кн.: Rosanna Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Società Filologica Friulana, 2002 // *Вопросы языкознания*, 6.
- Петрухин П.В. (2007). *Жили-были: вопрос закрыт?* // *Русский язык в научном освещении*, 1.
- Петрухин П.В., Сичинава Д.В. (2006). «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова*. М.: «Языки славянской культуры», 193–214.
- Плунгян В.А. (1998). Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // *Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А.И. Коваль*. СПб.: «Европейский дом», 106–115.
- Пожарицкая С.К. (1991). О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*, LXIII/4, 787–799.
- Пожарицкая С.К. (1996). Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993*. М., 268–279.
- Рыко А.И. (2002). Причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // *Русский язык в научном освещении*, 2 (4), 171–193.
- Сичинава Д.В. (2004). К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: «Гнозис», 292–312.
- Сичинава Д.В. в печати (а). «Сдвиг начальной точки»: использование некоторых глагольных форм в интродуктивной функции

// Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории.

Сичинава Д.В. в печати (b). Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // *Сборник в честь Е.В. Падучевой.*

Славянские языки 2005 – *Языки мира: Славянские языки.* М.: «Academia».

СКЯ 1962 – *Современный казахский язык: фонетика и морфология.* Алма-Ата.

Татевосов С. Г. (2001). Эвиденциальность: косвенная засвидетельствованность // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари.* М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 293–306.

Толстая М.Н. (2000). Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балто-славянские исследования XIV.* М.: «Индрик», 134–143.

Фридман В. (1983). Значение на отдавна минало време за история на българския език // *Исторически развой на българския език. Доклади. Т.1.* София: Българска академия на науките, 111–126.

Хабургаев Г.А. (1978). Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ, сер. 9 Филология,* 4.

Хабургаев Г.А. (1991). Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г.А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). *Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола.* М.: Изд-во МГУ, 42–54.

Шевелева М.Н. (2006). Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в псковских летописях // *Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова.* М.: «Языки славянской культуры», 215–241.

Шевелева М.Н. (2007). «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении,* 1.

Широкова А.Г. (1961). *Чешский язык.* М.

Шошитайшвили И.А. (1998). Русское «было»: пути грамматикализации // *Русистика сегодня,* 3–4, 59–78

- Юлдашев А.А. (1965). *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. М.: «Наука».
- Юлдашев А.А. (ред.) (1981). *Грамматика современного башкирского языка*. М.: «Наука».
- Abraham W. (1999). Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica*, XXXIII/1, 1–18.
- Abraham W. (2004). The European emergence of the periphrastic perfect: An autonomous, parsing-driven development // *Теоретические проблемы языкознания: Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*. СПб.: СПбГУ, 224–247.
- Ammann A. (2005). Abbau und Anschwemmung: Doppelte Perfektformen und Grammatikalisierung im deutschen Tempussystem // T. Mortelmans, T. Leuschner (Hrsg.) *Grammatikalisierung im Deutschen*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 251–276.
- Barentsen A.A. (1986). The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam, Vol. 8, 1–68.
- Benacchio R. (2002). *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Società Filologica Friulana.
- Benincà P. (1989). Friaulisch; Interne Sprachgeschichte I. Grammatik // G. Holtus et al. (Hrsg.), *Lexicon der Romanischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, Bd. III, 563–585.
- Bertinetto P.M. (1987). Why the *passé antérieur* should be called *passé immédiatement antérieur* // *Linguistics*, 25, 341–360.
- Bleton P. (1982). La surcomposition dans le verbe français // *Canadian Journal of Linguistics*, 27/1, 31–70.
- Boeder W. (2000). Evidentiality in Georgian // Johanson, Utas (eds.), 275–328.
- Bulut C. (2000). Indirectivity in Kurmanji // Johanson, Utas (eds.), 147–184.
- Bybee J., Perkins R.D., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Bybee J.L., Dahl Ö. (1989). The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, 13/1, 51–103.

- Carruthers J. (1993). *The formes surcomposées: the Discourse Function and Linguistic Status of a Rare Form in Contemporary Spoken French*. PhD dissertation : University of Cambridge.
- Chinkarouk O. (1998). Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // *Le langage et l'homme*, XXXIII/1, 39–53.
- Comrie B. (1985). *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Csató É.Á. (2000). Turkish *miş-* and *imiş-* items. Dimensions of a functional analysis // Johanson, Utas (eds.), 29–44.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl Ö. (2004). *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- DeLancey S. (1997). Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // *Linguistic typology*, 1/1, 33–52.
- Donabédian A. (1996). Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // Guentchéva (ed.), 87–108.
- Foulet L. (1925). Le développement des formes surcomposées // *Romania*, 51, 203–252.
- Guentchéva Z. (1996). Le médiatif en bulgare // Guentchéva (ed.), 47–70.
- Guentchéva Z. (ed.) (1996). *L'énonciation médiatisée*. Louvain, Paris: Peeters.
- Haase M. (1994). Tense and aspect in Basque // Thieroff, Ballweg (eds.), 279–292.
- Hennig M. (2000). *Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten*. Tübingen: Niemeyer.
- Holtus G. (1995). Zur Verbreitung der *formes surcomposées* in den romanischen Sprachen // W. Dahmen et al. (Hrsg.). *Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen (Romanistisches Kolloquium VIII)*, 85–114.
- Hopper P.J., Traugott E.C. (1993). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horák E. (1964). Predminuly čas v slovenčine // *Slovenská reč*, 29/5.
- Jahani C. (2000). Expressions of indirectivity in spoken Modern Persian // Johanson, Utas (eds.), 185–208.
- Johanson L. (1994). Türkeitürkischen Aspektotempora // Thieroff, Ballweg (eds.), 247–266.
- Johanson L., Utas, B. (eds.) (2000). *Evidentials: Turkic, Iran and Neighbouring Languages*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

- Jones M.A. (1993). *Sardinian Syntax*. London, New York : Routledge.
- Lafitte P. (1979). *Grammaire basque*. San Sebastián: ELKAR.
- Lazard G. (1996). Le médiatif en persan // Guentchéva (ed.), 21–30.
- Lazard G. (2000). Le médiatif: considérations théoriques et application à l'iranien. // Johanson, Utas (eds.), 209–228.
- Levin-Steinmann, A. (2004). *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen 1-Periphrase*. (Slavistische Beiträge, 437.) München: Sagner.
- Litvinov V., Radčenko V. (1998). *Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Marcato F. (1986). Forme verbali bicomposte (“surcomposées”) nelle parlate del Veneto // M. Cortelazzo (ed.), *Guida ai dialetti veneti VIII*, Padova: CLEUP, 45–60.
- Marin M. (1985). Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains // *Revue roumaine de la linguistique*, 30, 459–468.
- Miller J. (2004). Perfect and resultative constructions in spoken and non-standard English // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 229–246.
- Plungian V.A., van der Auwera J. (2006). Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 59/4, 317–349.
- Reichenbach H. (1947). *Elements of Symbolic Logic*. New York: McMillan.
- Salkie R. (1989). Perfect and pluperfect: What is the relationship? // *Journal of Linguistics*, 25/1, 1–34.
- Squartini M. (1998). *Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality and Grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Squartini M. (1999). On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*, 3, 51–89.
- Stefanini J. (1970). Note sur les formes surcomposées // *Travaux de linguistique et de littérature, publiés par le Centre de philologie et de littératures romanes de l'Université de Strasbourg*, 287–296.
- Thieroff R. (1992). *Das finite Verb in Deutschen: Tempus-Modus-Distanz*. (Studien zur deutschen Grammatik, 40). Tübingen: Narr.
- Thieroff R. (2000). On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Ö. Dahl (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 265–308.

- Thieroff R., Ballweg J. (eds.) (1994). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer.
- Thomas P.-L. (2000). Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger (eds.). *Passé et parfait* (*Cahiers Chronos*, 6). Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 117–131.
- Vater H. (1983). Zum deutschen Tempussystem // J.O. Askedal et al. (Hrsg.). *Festschrift für Laurits Saltveit*. Oslo–Bergen–Tromsø: Universitetsforlaget, 201–214.